

**Самарский (Куйбышевский) художественный музей в годы Великой Отечественной войны
1941-1945 гг.**

Война застала Куйбышевский художественный музей в состоянии научной и экспозиционной реорганизации. Как самостоятельное учреждение музей был еще совсем молодым и существовал только с 1937 г., а открылся для посетителей и того позднее – 28 февраля 1939 г. История же самой художественной коллекции была значительно старше. По примеру многих провинциальных музеев страны собирание произведений искусства в Самаре началось с создания художественного отдела внутри краеведческого музея. К 1937 г. художественный отдел Куйбышевского областного краеведческого музея (ныне – Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина) насчитывал уже 40 лет истории и более 6 тыс. экспонатов¹. Вопрос об образовании самостоятельного художественного музея обсуждался еще с середины 1930-х гг., однако решение затягивалось из-за нехватки зданий в городе и скудного финансирования. По документам в январе 1937 г., а фактически лишь осенью 1938 г., Художественному музею было предоставлено помещение в самом важном культурно-идеологическом центре города – в только что построенном здании Дворца Культуры им. В.В. Куйбышева.

Научное исследование коллекции началось в музее незадолго до войны благодаря работе двух выходцев из ленинградской искусствоведческо-музейной школы, бывших сотрудников Эрмитажа – Марка Дмитриевича Философова (1892-1938) и Татьяны Георгиевны Ржепецкой (1906-1988), усилиями которых была произведена сверка коллекции искусства, подготовлен переезд в новое здание и создана первая экспозиция художественного музея. Оба они попали в Куйбышев по политическим делам – были высланы в 1935 г. из Ленинграда как «социально-опасные элементы»; оба являлись специалистами по западноевропейскому искусству нового времени². Куйбышевские страницы в их биографии сложились по-разному.

Марк Дмитриевич Философов как дворянин, а также родственник известных в стране «белоземigrants» считался лицом неблагонадежным. Его двоюродный дядя, Дмитрий Владимирович Философов, религиозный публицист, идейный вдохновитель «декадентского» творческого объединения «Мир искусства», в 1919 г. в компании с Дмитрием Мережковским и Зинаидой Гиппиус «под видом командировки для чтения лекций в красноармейских частях» выбрался сначала из Петрограда, а затем сбежал в Польшу и жил в эмиграции. Друг семьи, устроивший Марка Дмитриевича на работу в Эрмитаж, – не менее известный участник того же объединения, художник, историк искусства Александр Николаевич Бенуа, – не вернулся в СССР в 1926 г. из зарубежной командировки. Советские органы неоднократно арестовывали М.Д. Философова «по подозрению в контрреволюционной деятельности» еще в Ленинграде – в 1919, 1933 и 1935 гг. Считаясь «социально опасным элементом» и «ярким противником советского строя», он оставался под постоянным надзором властей и в Куйбышеве, а 18 октября 1937 г. вместе с видными учеными и общественными деятелями, членами краеведческого общества, вновь был арестован. Абсурдные обвинения в «подготовке и проведении диверсионных актов на оборонных предприятиях Куйбышева и Чапаевска, а также тер. акта в отношении секретаря Куйбышевского Обкома ВКП(б)» стали основанием для расстрела М.Д. Философова в феврале 1938 года³.

Татьяна Георгиевна Ржепецкая, хоть и была дочерью дворянина, служившего в управлении по постройке железных дорог, как она указала в своей автобиографии, в силу семейных обстоятельств оказалась приписана к сословию матери, мещанскому, что делало её происхождение вполне приемлемым для социального молоха 1930-х гг.⁴ Мать её была научным сотрудником Метеорологической станции в Ташкенте, где она оставалась до 1925 г., а в 1926 г. переехала в Ленинград и поступила на Высшие государственные курсы искусствоведения при Ленинградском государственном институте истории искусств. После окончания вуза её работа была связана с музеями и экскурсионными бюро Ленинграда.

Политический облик Т.Г. Ржепецкой по тем временам был вполне пролетарским: в Ташкенте она обучалась в Единой трудовой школе и посещала подпольный анархистский кружок, изучавший труды П.А. Кропоткина, в Эрмитаже входила в состав семинара по истории общественных формаций и считалась «опытным полит-просветработником с твердой марксистской установкой»⁵. И в

Эрмитаже, и позднее в Куйбышевском художественном музее её квалификация оценивалась очень высоко.

Из Ленинграда Т.Г. Ржепецкая была выслана в 1935 г. как жена приговоренного. Эта административная ссылка стала причиной её увольнения из Куйбышевского Краевого музея в марте 1936 г., а затем в ноябре 1937 г., в самый разгар музейных арестов⁶. Уже через пару месяцев в феврале 1938 г. решением Комиссии Советского Контроля она была вновь направлена в Художественный музей, оставшийся после ареста М.Д. Философова без заведующего научным отделом, и работала здесь ученым секретарем до своего увольнения и отъезда в Москву в 1943 году. Обстановка, в которой Ржепецкой приходилось создавать экспозицию нового музея и работать над его первым каталогом, была непростой. Один из её сослуживцев, в будущем директор Куйбышевского художественного музея и известный искусствовед, Владимир Иванович Володин вспоминал: «я видел, как подозрительно относилась к ней директор [Т.Ф. Кузнецова – Ю.Ж.] – далекая от искусства выдвиженка со швейной фабрики, «подарившая» столько нелегких дней своей первой работоспособной заместительнице по научной части»⁷.

Научная работа в музее с открытия его в 1939 г. и до 1943 г. была почти полностью заслугой Т.Г. Ржепецкой. Она разработала научную концепцию экспозиции музея, являлась автором первого музейного путеводителя-каталога, изданного в 1941 году и получившего всесоюзную награду. В 1940 г. она организовала первую научную выставку в музее – русского и советского фарфора, а в 1941 г. смогла открыть гравюрный кабинет, столь редкий в довоенных провинциальных музеях. В первые месяцы войны именно Ржепецкая подготовила и открыла в музее экспозицию, посвященную истории противостояния иноземным вторжениям, а когда музей был свернут, участвовала в подготовке патриотических художественных выставок.

К началу войны в музее работало еще четыре научных сотрудника: бывший секретарь Самарского Пролеткульта Лидия Афанасьевна Павличек (заведующей учета и хранения) и три молодых выпускника куйбышевских трехгодичных курсов изобразительного искусства – Мария Катина, Надежда Власова и Владимир Володин⁸. Этот научный состав постепенно сокращался: в августе 1941 г. по мобилизации выбыл В.И. Володин, ушли из музея М.Я. Катина и Н. Власова, в конце 1943 г. уехала Т.Г. Ржепецкая. В 1943 г. в музее оставалось лишь два научных работника, а с февраля 1944 г. – только Л.А. Павличек, которая на короткое время стала еще и ученым секретарем⁹. Вплоть до 1945 г. музей так и не смог решить кадровую проблему: научных сотрудников катастрофически не хватало и вести научное описание коллекции, инвентаризацию и подготовку каталогов стало некому.

О первых днях войны В.И. Володин вспоминал как о горячем времени для музея. Художественный музей сразу стал центром притяжения активных художников. Володин вспоминал, как куйбышевские художники Б.В. Филипченко, В.В. Соколов, В.П. Акимов, Б.В. Шварц, П.П. Бунаков и другие по собственной инициативе «тут же стали исполнять и приносить в музей плакаты-призывы к защите Отечества и плакаты-разоблачители фашизма»¹⁰. Эти плакаты размещались в нижних окнах правого крыла здания Дворца Культуры, в котором располагался музей.

В июле 1941 г. в музее родилась идея организовать экспозицию, раскрывающую историю оборонительных действий русского народа в периоды иностранных интервенций – «Историческое прошлое советского русского народа». Все экспонаты были подобраны в коллекции музея. «Выставка получилась внушительной и интересной, созвучной тем трагическим событиям, которыми жила страна. Это была первая в городе художественная экспозиция, духовно связанная с начавшейся войной», - писал В.И. Володин¹¹. Сразу после открытия выставки в августе 1941 г. В.И. Володин был мобилизован и отправился на учебу в военное училище, а в 1943 г. – на фронт. В музее остались только женские кадры, как и на многих других предприятиях страны.

Неожиданным для музейных сотрудников стало распоряжение Куйбышевского облисполкома закрыть музей на консервацию 16 октября 1941 г. С этого времени и до конца войны основная экспозиция музея была свернута. Экспонаты были перевезены на хранение в другие помещения – сначала в здание бывшего Театра юного зрителя (ул. Самарская, 95), также закрытого в 1941 г., а затем в Драматический театр, где музейная коллекция продолжала оставаться до середины 1944 г. Переезд был вызван административными нуждами. В связи с эвакуацией в Куйбышев центральных

наркоматов, посольств и ряда государственных учреждений, в городе возникла нехватка административных зданий. Крыло Дворца культуры, в котором располагался художественный музей, было передано Наркомату Военно-морского флота и до 1945 г. здесь оставались подведомственные ему учреждения.

Перевезти музейные фонды оказалось непросто. Во-первых, музею не хватало предоставленных для хранения помещений. Объем экспозиционной площади музея во Дворце культуры составлял 553 м²¹², а фондов – 45 м²¹³, в то время как в здании бывшего ТЮЗа музею выделили лишь один зал общей площадью 93 м²¹⁴. Во-вторых, по распоряжению Облесполкома музей должен был в 24 часа освободить занимаемые им площади, из-за чего перевозку экспонатов пришлось готовить в крайней спешке. Тем не менее, работая практически круглосуточно, музей осуществил переезд за три дня. Часть экспонатов, особенно хрупкие предметы из коллекции фарфора и восточного искусства, удалось упаковать в ящики, которые так и пролежали до возвращения на прежнее место, а остальные экспонаты перевозили прямо на грузовике под наблюдением научных сотрудников. Т.Г. Ржепецкая оценивала результаты переезда как вполне удовлетворительные, так как непоправимого ущерба экспонатам нанесено не было¹⁵. Документально не известно о том, какие музейные предметы были потеряны при переезде, однако хранители музея впоследствии сообщали об утраченной картине К.Я. Крыжицкого, возвращенной в 1970-х гг. группой школьников.

Новые условия хранения совершенно не соответствовали музейным требованиям: гравюры отсыревали, а красочный слой на живописи трескался. В здании не было вентиляции, случались перебои с отоплением, а все хозяйственные вопросы решала «головная организация», тогда его занимавшая, «Заготзерно». Такое соседство было для музея тяжелым испытанием: за одной деревянной дверью хранилища находился склад военного имущества, за другой – уборная общего пользования, а в соседней комнате происходила растопка самоваров, дым от которых проникал в музейные фонды. Общая система отопления и нерегулярность топки нарушали необходимый температурно-влажностный режим, создавая резкие температурные скачки и пагубно сказываясь на музейных предметах. Деревянный пол в хранилище во многих местах имел щели и дыры, подполье изобиловало крысами. Сторожевой ночной дежурный пост вел охрану лишь по совместительству, из-за чего в музее случались кражи. Несколько раз в помещение врывались грабители, похищая и экспонаты, и хозяйственные предметы. Почти все вещи, за исключением украденных фарфоровых часов, удалось вернуть¹⁶. Проблемой была и пожарная безопасность: неподалеку находились гараж и сухой деревянный склад с бумагой, а в хранилище не было даже огнетушителей, только пожарный шланг¹⁷.

Неоднократно музей обращался к администрации с просьбой предоставить другое помещение, и осенью 1942 г., Горисполком пошел навстречу музею, предоставив ему дополнительное помещение для хранения в здании Драматического театра. Здесь экспонаты находились под хорошей охраной и содержались с соблюдением необходимого температурно-влажностного режима; для хранения были созданы отдельные гнезда, так чтобы обеспечить обтекание воздухом каждую картину. В Драмтеатр были свезены около тысячи самых ценных экспонатов, но большая часть предметов хранилась в прежнем неотапливаемом помещении и почти целиком оставалась не распакованной еще несколько месяцев, пока не была окончательно перевезена в Драмтеатр¹⁸.

Уже в июле 1942 г. музей начал пытаться вернуть себе помещение во Дворце культуры и неоднократно обращался с запросами в Отдел искусств, однако вплоть до 1944 г. добиться решения по этому вопросу не смог. Только летом 1944 г. власти в целом согласились на просьбу музея, но вернули не все музейные помещения, а лишь один зал. К сентябрю 1944 г. туда были перевезены все музейные фонды и организовано хранилище. Когда в ноябре 1944 г. музею вернули еще один зал, смежный с первым, он смог реорганизовать хранение и начать подготовку к первой выставке, запланированной на февраль 1945 г. к 27-й годовщине Красной армии¹⁹. Первый зал основной экспозиции был открыт к маю 1945 г. разделом «Русское национальное искусство XVIII – начала XX в.»²⁰. Целиком восстановить постоянную экспозицию музей сумел лишь после войны, в 1946 г., к очередной годовщине Октябрьской революции. Возвращение музейной экспозиции, судя по высказываниям в прессе, вызвало большой интерес у публики и привлекло значительное число посетителей.

В отсутствие постоянной экспозиции основная тяжесть музейной работы в годы войны была сосредоточена на выставках, а также учете и пополнении коллекции. Война превратила художественный музей в активную выставочную институцию. Если до войны музей организовывал в среднем по две крупные выставки в год, во многом из-за того, что залы Дворца культуры не располагали подходящими помещениями, то за 1941-1945 гг. он провел 15 больших художественных выставок и более двух десятков передвижных выставок с репродукциями.

Выставочная активность музея целиком была посвящена военно-агитационной пропаганде. Все выставочные проекты демонстрировали либо образцы военного искусства современных советских художников, в основном местных и иногда столичных, либо военную тему в русском искусстве. Апогей военного творчества куйбышевских художников пришелся на 1943 г., после успеха Сталинградской битвы и поездки на место событий художественного десанта. Председатель Куйбышевского отделения Союза советских художников, талантливый график и скульптор Василий Петрович Акимов, связывал повышение качества работ куйбышевских художников с влиянием, которое оказали на них находившиеся в эвакуации московские художники, в первую очередь, Василий Прокофьевич Ефанов (1900-1978), родившийся в Самаре²¹. В такой ситуации музей, конечно, не мог обойтись без постоянного активного взаимодействия с Союзом художников.

Более того, сам Куйбышевский областной отдел по делам искусств возложил организацию выставочной работы в городе не на художественный музей, а на Выставочный комитет Куйбышевского товарищества «Художник», в который были включены и руководители Союза художников, и музея (Т.Ф. Кузнецова и Т.Г. Ржепецкая). При этом вся научная, экспозиционно-оформительская и массовая работа была возложена на музей. Составление и утверждение выставочных экспозиционных планов, оформление всех экспонатов, составление аннотаций и каталогов с краткими биографическими сведениями о творческой деятельности художников оказались почти целиком на небольшом научном коллективе музея²². На заседаниях выставкома фактическое участие в обсуждении отбираемых картин и экспозиции принимала только Т.Г. Ржепецкая²³.

Большинство художественных выставок военных лет экспонировались в фойе Куйбышевского драматического театра им. А.М. Горького. При этом произведения можно было увидеть только в антрактах вечерних спектаклей и исключительно при искусственном освещении, так как днем доступ на выставку не был разрешен²⁴. Фактически выставки являлись дополнением к спектаклям, и не были доступны широкой публике. Несмотря на это, музей ежегодно отчитывался высокими показателями посещаемости. До войны посещаемость музея не превышала 32 тыс. человек, а в 1942 г., судя по музейному отчету, только на выставках побывало 167,5 тыс. человек²⁵.

В 1941 г. выставочная работа музея еще не успела развернуться. Она значительно расширилась только после того, когда в марте 1942 г. Отдел по делам искусств отчитал музей за неэффективную массовую работу и поручил усилить её и организовать «обслуживание передвижными выставками крупнейших предприятий города Куйбышева, городов и крупнейших районных центров области»²⁶.

Понимая, что важнейшим критерием качества агитации является количество мероприятий, музей в 1942-1943 гг. стал проводить по 16 выставок в год, причем большая их часть представляла собой передвижные экспозиции из репродукций на разные политические темы, актуальные для того момента: «Героическое прошлое русского народа в изобразительном искусстве», «Отечественная война 1812 г.», «Героические подвиги Красной армии» и «Жизнь и деятельность В.И. Ленина». Размещались они обычно в общественных организациях, на производстве, в госпиталях, кинотеатрах, даже в колхозах. Конечно, отсутствие штата научных работников физически не могло позволить музею заниматься выставками на селе, но несколько периферийных проектов все-таки были реализованы.

Крупных тематических выставок в год бывало не более пяти, и они повторялись к одним и тем же датам и, зачастую, с одинаковыми названиями: обязательной были выставки в феврале и ноябре – к годовщинам Красной армии и Октября. Тематически они почти не отличались друг от друга, но по содержанию ноябрьская выставка под названием «Куйбышевская область в дни Великой отечественной войны» была «отчетной» для Союза художников и показывала признанные лучшими

новейшие работы куйбышевских мастеров (в 1942 г. на выставке было показано 47 работ, а в 1943 г. – уже 97). Такими же традиционными были одна персональная выставка местного художника (в 1942 г. – В.П. Ефанова, в 1943 г. – Г.П. Подбельского) и одна выставка из центра («Окна ТАСС» 1942 г., «Боевой карандаш» 1943 г.). В 1942 г. в городском центре пропаганды музей организовал небольшую выставку плакатов Петра Петровича Бунакова, известного иллюстратора, работавшего в местной прессе. Музей активно пополнял коллекцию произведениями военного искусства, покупая произведения самарских художников и скульпторов с этих выставок. В частности, были приобретены картины К.Г. Савицкого, В.П. Ефанова и И.П. Цыбульника, скульптуры В.П. Акимова и А.В. Грубе.

1943 г. был пиком выставочной активности музея. Вместе с Союзом художников он принимал участие в организации 7 художественных выставок, на которых экспонировалось 489 художественных произведения 94 художников²⁷. Выставка к 25-летию Красной Армии была открыта не в Драмтеатре, как обычно, а в фойе концертного зала Филармонии. К годовщине Октябрьской революции в ноябре 1943 г. в Драмтеатре начала работу выставка популярного тогда творческого объединения ленинградских художников «Боевой карандаш», выпустивших в войну более 100 листов агитационного и сатирического плаката. Работы в Куйбышев привез организатор этого объединения, известный художник-график Иван Степанович Астапов, уроженец Самарской области²⁸.

С уходом Т.Г. Ржепецкой в конце 1943 г. научный уровень музейных выставок заметно упал. На 1944 г. музей планировал лишь 6 выставок, из которых 4 имели идеологический характер и создавались исключительно из репродукций, две другие – обязательной военной тематики. Снижение выставочной активности предполагалось компенсировать открытием в июне 1944 г. основной экспозиции музея, организовать которую музей не смог. Препятствовали реконструкции экспозиции не только проблемы с помещением, которого не хватало для развертывания фондовых хранилищ и экспозиционных залов одновременно, но и кадровые проблемы. Полгода в музее работал только один научный сотрудник (Л.А. Павличек)²⁹.

Лишенный возможности показывать экспозицию, музей в годы войны стал заниматься её пополнением, приобретая работы лучших произведений российских, советских и западных мастеров. Ценность этих закупок определялась не количеством, а качеством приобретенных экспонатов. В каком-то смысле, война стала катализатором интенсивного взаимодействия художественного музея с частными коллекционерами, чему способствовала эвакуация в Куйбышев и членов правительства, и делегаций иностранных посольств, и значительной части творческой интеллигенции из Москвы и Ленинграда. В итоге собрание музея пополнялось произведениями известных российских и зарубежных художников из частных московских и ленинградских коллекций.

В 1942 г. из частной коллекции Е. Аведовой музей приобрел «Пейзаж с фигурами» нидерландского художника XVII в. Филиппа Вауэрмана (1619-1668), чье творчество относят к лучшим образцам к Золотого века голландской живописи. В 1943 г. была приобретена одна из самых популярных сегодня картин в экспозиции, ставшая практически «визитной карточкой» музея – «Портрет дочери Ирины с собакой Шумкой» художника Бориса Кустодиева (1878-1927). Эта работа была куплена у самой Ирины Кустодиевой, которую расстаться с портретом вынудили только тяжелые условия тыловой жизни военного времени. В 1944 г. у известной драматической актрисы Надежды Ивановны Комаровской был приобретен портрет актрисы, написанный её гражданским мужем, Константином Коровиным (1861-1939), а также акварель Александра Бенуа (1870-1960) «Павловск»³⁰.

Согласно музейным документам, за 1941-1945 гг. было приобретено 195 предметов на сумму 230555 рублей³¹. По довоенным музейным меркам это была гигантская цифра. Для сравнения, в 1941 г. на закупки было потрачено 2850 руб., 1942 г. – 60005 руб., 1943 г. – 60000 руб., 1944 г. – 79500 руб., 1945 г. – 28200 руб. Объясняя, почему на приобретение 14 новых произведений живописи и графики было потрачено 60 тыс. рублей, музей отмечал, что все купленные работы высокого качества и будут располагаться в основной экспозиции музея, когда она откроется³². Сопоставление закупочных цен показывает, что покупка больших полотен советских художников, особенно лауреатов Сталинской премии, осуществлялась по невероятно высоким ценам в сравнении с покупаемыми произведениями русских художников рубежа XIX-XX вв. Так, фарфоровая группа «Влюбленные» Ленинградского фарфорового завода, выполненная по эскизам Константина Сомова

(1869-1939) была оценена в 500 руб., а гипсовый бюст В.П. Акимова «Моряк гвардеец» в 4 тыс. руб. Повторение работы В.П. Ефанова «Ленин и Горький в Горках» музей приобрел за 15 тыс. руб., «Бакенщиков» забытого сегодня М.И. Сидорова с эскизом к картине – за 23 тыс. руб., а «Портрет дочери Ирины с собакой Шумкой» Б.М. Кустодиева – за 10 тыс. руб.³³

В документах музейного архива есть справочные таблицы, указывающие содержание коллекции музея на 1 января 1940 г. и 1942-1945 гг. Согласно этим данным, в 1940 г. музейная коллекция насчитывала 6926 экспонатов, в том числе 759 – в экспозиции, а 6162 – в фондах³⁴; из них 3176 - предметы дореволюционного искусства (в экспозиции - 431), 1719 - советского (в экспозиции - 155), 2031 – зарубежного искусства, восточного и западного (в экспозиции - 173). К 1943 г. в музее было уже 7540 экспонатов, из них 3545 – дореволюционного искусства, 1814 – советского и 2181 – зарубежного³⁵. На 1 января 1944 г. в музее числилось 7556 предметов; увеличение коллекции произошло в основном за счет покупки произведений советского искусства³⁶. В 1945 г. музей приобрел 4 экспоната советского искусства, 2 – западных художников, 8 – русского искусства на сумму 20 тыс. рублей³⁷. В 1946 г. количество экспонатов значительно увеличилось. Для наглядности мы свели эти данные в таблицу.

Таблица 1. Количество экспонатов музея в начале 1940, 1942-1946 гг.¹

Год	Русское искусство	Советское искусство	Западное и восточное искусство	Всего
1940	3176	1719	2031	6926
1942	3542	1802	2180	7524
1943	3545	1814	2181	7540
1944	3547	1828	2181	7556
1945	3555	1832	2183	7570
1946	3845	2196	2181*	8222

* Так указано в отчете за первое полугодие 1946 г.³⁸

Значительным достижением для музейного учета стало проведение в годы войны инвентаризации коллекции. О необходимости провести инвентаризацию и составить новое научное описание экспонатов Т.Г. Ржепецкая задумывалась еще в 1940 г. Имевшиеся в музее инвентарные книги были составлены поверхностно; экспонаты нужно было систематически изучить и научно описать. Менее всего изучена была коллекция восточного искусства, а также собрание иконы, систематизировать которые могли лишь специалисты из центральных музеев. Однако до начала войны приступить к инвентаризации в музее не успели. И вновь из-за недостатка квалифицированных кадров, искусствоведов и художников, которые могли бы провести научное исследование предметов. Единственным действительно способным к такой работе сотрудником с высшим искусствоведческим образованием оставалась Т.Г. Ржепецкая. Переезд и закрытие музея на время отодвинули проблему инвентаризации, но лишь до тех пор, пока в центре не потребовали срочно, до 1 июля 1943 г., её провести.

Музей начал проводить инвентаризацию в марте 1943 г. и практически закончил её к октябрю 1944 г., когда эта работа была приостановлена возвращением музея в свое здание. Столь длительный срок инвентаризации снова был вызван отсутствием сотрудников для научного описания коллекции. В ходе инвентаризации были научно обработаны и переписаны живопись, рисунок, гравюра, лубок, плакат и керамика. Обработанными, но не переписанными в инвентари оставались экспонаты отдела скульптуры, мебели и коллекция восточного искусства.

Описание восточной коллекции в годы войны было произведено известным востоковедом, специалистом по искусству Индии Семеном Ивановичем Тюляевым (1898-1993), сотрудником Государственного музея восточного искусства в Москве³⁹. Еще в отчете за 1942 г. Т.Г. Ржепецкая указала, что регистрация по научным книгам отделов была «заменена обработкой восточных коллекций», в результате было обработано для первичной научной регистрации 308 номеров⁴⁰.

¹ Таблица составлена на основании: Архив СОХМ. Музейные документы 1937-1943 гг. Данные об экспонатах на 1.01.1940 и 1.01.1943; ЦГАСО. Ф. Р-3437. Оп. 1. Д. 2. Л. 16.; Архив СОХМ. Отчеты за 1945 г. и за 1946 г.

Поскольку научное описание коллекции Востока не проводилось в предыдущие несколько лет из-за отсутствия в городе экспертов, можно предположить, что таковым в 1942 г. оказался С.И. Тюляев. К сожалению, пока мы не можем документально подтвердить присутствия его в Куйбышеве, но и исключать возможности его временной эвакуации сюда не стоит. В музейных документах 1944 г. прямо говорится о том, что именно он произвел научное описание всей восточной коллекции, за исключением чисто бытовых вещей ремесленного характера, не включенных в описи⁴¹.

В целом к концу 1944 г. музей не смог инвентаризировать лишь 141 хрустальный предмет и 206 оставшихся в коллекции икон и медного литья из-за отсутствия в городе специалистов и литературы. В ходе инвентаризации около тысячи экспонатов были признаны не имеющими художественного и музейного значения и списаны еще летом 1943 г., однако Отдел учреждений изобразительного искусства при СНК РСФСР так и не ответил на просьбу произвести списание этих экспонатов⁴².

Финансовое положение музея в годы войны в целом было удовлетворительным. Проблемы с финансированием он испытывал лишь в 1945 г., так как при составлении смет на этот год не были запланированы расходы на открытие музея и оборудование полученного помещения⁴³. Значительную финансовую помощь музей оказывал куйбышевским художникам, выделяя средства на создание работ для патриотических художественных выставок.

Таким образом, в годы войны основными направлениями деятельности художественного музея были организация художественных выставок, а также учет и хранение коллекции. Имея постоянные проблемы с научными кадрами и хранением коллекции, испытывая на себе постоянное давление со стороны Областного отдела искусства и Союза художников, музею приходилось маневрировать между агитационно-пропагандистскими нуждами военного времени и вневременными ценностными приоритетами сохранения и изучения музейной коллекции.

---

¹ В январе 1936 г. за художественным отделом Краевого музея числилось 6287 предметов. См.: Архив Самарского областного художественного музея (далее – архив СОХМ). Папка актов на поступление ценностей за 1936-1937 гг.

² Архив Государственного Эрмитажа (далее – архив ГЭ). Ф. 1. Оп. 13. Д. 723. Л. 17. (Автор выражает большую благодарность за помощь в работе с документами научному сотруднику Государственного Эрмитажа, хранителю коллекции мебели Гарманову Ивану Александровичу).

³ Центральный государственный архив Самарской области (далее - ЦГАСО). Ф. Р-4958. Оп. 16. Д. 80. Л. 229-230.

⁴ Архив СОХМ. Автобиография Т.Г. Ржепецкой (1941 г.). Л. 1. К тому же, с 8 лет она потеряла всякие контакты с отцом, который оставил свою гражданскую жену и дочь.

⁵ Архив ГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 723. Л. 16.

⁶ 7 июня 1939 г. Особым совещанием при Наркоме внутренних дел СССР судимость вместе со всеми связанными с ней ограничениями была снята. См.: Архив СОХМ. Автобиография Т.Г. Ржепецкой (1941 г.). Л. 2.

⁷ Володин В.И. Самара, музей, художники: Воспоминания и исследования. Самара, 1997. С. 51.

⁸ Там же.

⁹ ЦГАСО. Ф. Р-3437. Оп. 1. Д. 5. Л. 17.

¹⁰ Володин В.И. Указ. соч. С. 90.

¹¹ Там же. С. 91.

¹² Подчеркнем, что находясь в составе Краеведческого музея коллекция Художественного отдела занимала 4 зала общей площадью 340 кв.м., т.е. почти в 2 раза меньше. См.: Архив СОХМ. Акт № 3 проверки и передачи дел и имущества Куйбышевского областного художественного музея от 18.11.1937. Л. 1.

¹³ Архив СОХМ. Отношение в научно-исследовательский институт краеведческой и музейной работы. 1940 г.

¹⁴ Архив СОХМ. Акт от 21 августа 1942 г. Приложение 3. История консервации музея.

¹⁵ Там же.

¹⁶ ЦГАСО. Ф. Р-5156. Оп. 1. Д. 17. Л.1.

-
- ¹⁷ Архив СОХМ. Акт от 21 августа 1942 г.
- ¹⁸ Архив СОХМ. Объяснительная записка к плану проведения полной инвентаризации коллекции Куйбышевского областного художественного музея. 1943 г. Рукопись.
- ¹⁹ ЦГАСО. Ф. Р-5156. Оп. 1. Д. 17. Л.1.
- ²⁰ Архив СОХМ. Отчет за 1945 г. Л. 1.
- ²¹ ЦГАСО. Ф. Р-5156. Оп. 1. Д. 15. Л. 1 об.
- ²² Архив СОХМ. Отчет за 1942 г. Рукопись. Л. 7.
- ²³ ЦГАСО. Ф. Р-3211. Оп. 2. Д. 16. Л. 1, 3-5, 7.
- ²⁴ ЦГАСО. Ф. Р-5156. Оп. 1. Д. 15. Л. 4.
- ²⁵ Архив СОХМ. Отчет за 1942 г. Рукопись. Л. 3.
- ²⁶ Архив СОХМ. Отношение Отдела по делам искусств Куйбышевского областного совета депутатов. 18 марта 1942 г.
- ²⁷ ЦГАСО. Ф. Р-5156. Оп. 1. Д. 15. Л. 1 об.
- ²⁸ Там же. Л. 2.
- ²⁹ ЦГАСО. Ф. Р-5156. Оп. 1. Д. 17. Л. 1 об.
- ³⁰ Алексушина Т.Ф. Из истории коллекции // Наследие: 100 лет коллекции / Самарский художественный музей; сост. А.Я. Басс. Тольятти, 1997. С. 19.
- ³¹ Самарский областной художественный музей (далее – СОХМ). Книга № 1. Поступления произведений в Куйбышевский городской художественный музей. 1937-1947 гг. Книга составлена В.И. Володиным в 1947 году на основании бухгалтерских документов, актов, инвентарных записей и т.д. (Автор выражает признательность за помощь и подсказки в работе с музейными документами главному хранителю СОХМ Шатуновой Светлане Сергеевне и сотруднику отдела учета Мигуновой Анне).
- ³² ЦГАСО. Ф. Р-5156. Оп. 1. Д. 17. Л. 1 об.
- ³³ СОХМ. Книга № 1. Поступления произведений.
- ³⁴ Для сравнения, при инвентаризации коллекции художественного отдела Куйбышевского краеведческого музея в сентябре 1937 г. и выделении его в самостоятельный музей в экспозиции значилось 463 предмета, т.е. почти в 2 раза меньше. Общее число предметов Художественного отдела на этот момент составляло 6416. См.: Архив СОХМ. Акт от 29 сентября 1937 г.
- ³⁵ Архив СОХМ. Музейные документы 1937-1943 гг. Данные об экспонатах на 1.01.1940 и 1.01.1943.
- ³⁶ ЦГАСО. Ф. Р-3437. Оп. 1. Д. 2. Л. 16.
- ³⁷ Архив СОХМ. Отчет за 1945 г. Л. 2.
- ³⁸ Архив СОХМ. Сведения о деятельности Куйбышевского художественного музея за первое полугодие 1946 г.
- ³⁹ Архив СОХМ. Справка об отчете по инвентаризации Куйбышевского художественного музея. 1944 г.
- ⁴⁰ Архив СОХМ. Отчет за 1942 г. Рукопись. Л. 3.
- ⁴¹ Архив СОХМ. Справка об отчете по инвентаризации 1944 г.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Архив СОХМ. Отчет за 1945 г. Л. 3.